

DIANA OBOLEŃSKA

Uniwersytet Gdański, Polska
diana.obolenska@ug.edu.pl

Черная роза — красная роза. Розенкрейцеровская инициация в драме Александра Блока *Роза и крест*

*Без Розы и Креста незримого слиянья
Нам не войти в Алтарь чрез Царские Врата,
В Алтарь Предвечного к престолу Мирозданья,
И там припасть с огнем святого обожанья
К ногам израненным воскресшего Христа¹.*

М. Эфесов

Роза — идейный символ розенкрейцества понимаемый как воцарение Духа, воспринималась проповедниками движения как начало и конец эмпирической действительности. Процесс инициации, связывающий во едино божественную эманацию и символ обновленной души — красную розу, разнообразен по своему принципу построения и подбора деталей и зависит от определенной доктрины того или иного посвятительного ордена. Однако все прослеживаемые различия соединимы в одном многосложном варианте трансфигурации духовного элемента адепта. Не далек от этого и сам Блок, так часто отрекающийся от какого-либо иного воплощения действительности, прорастающей за границами данно-реальной жизни². Герои его драмы *Роза и Крест* (1913) возобновляют путь легендарного члена и возможно основателя движения розенкрейцеров Христиана Розенкрейца, отправляющегося на алхимическую свадьбу (текст основного трактата). Имагинации душевных образов, связанных с процессом обожествления человеческой

¹ М. Эфесов, *С Крестом и Розою*, [в:] Б. Аров и др., *Оккультизм и Йога*, Белград 1933, с. 18.

² Ср. А. Блок, *Дневники 1901–1921*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 8 т.*, т. 7, Москва-Ленинград 1963.

сущности, представленные Валентином Андреэ³, также и у Блока выстраиваются в последовательную цепь взаимосвязанных этапов посвящения. Определяются они на плане зависимости и корреляции членов построения человека: физического, эфирного и астрального тела⁴. Здесь одушевление реального быта ведет к духовному бытию.

Героem-адептом в драме Блока является Бертран⁵, именно он оказывается связывающим звеном в многоплановой конструкции инициацийных мотивов. Попытка интерпретации элементов схемы посвящения указывает на разнообразность источников их происхождения. Явно прослеживается детальное знакомство Блока с эзотерической литературой, а также в данном случае с манифестами розенкрейцеров⁶. О том, что это драма розенкрейцеровская, нет никаких сомнений⁷. Историческая канва, относящаяся к теме крестового похода против альбигойцев (Южная Франция, начало XIII в.), взятая в основу произведения, дает исходную аналогию для «вторичной» темы и ее источников. Важно здесь, кто участвует в описываемых событиях и где они происходят. Их историческая неточность, доказанная современными исследователями⁸, дает лишь импульс для поисков «реального» замысла Блока. Введенная маскировка «вторичной» темы раскрывается при попытке построения схемы посвячительных этапов в контексте широко по-

³ См. *Alchemiczne gody Chrystiana Różokrzyża*, ред. J. van Rijckenborgh, т. 3, 4, Wieluń 2005.

⁴ О телах см. R. Steiner, *Teozofia Różokrzyżowców*, Gdynia 1996.

⁵ О этимологии имен в драме *Роза и Крест* см. М. Мурьянов, *Символика розы в поэзии Блока*, «Вопросы литературы» 1999, № 6, с. 98–128; И. Приходько, *Скрытые смыслы драмы А. Блока «Роза и Крест»*, «Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка» 1994, т. 53, № 6, с. 36–51.

⁶ Прежде всего с *Химической свадьбой Христиана Розенкрейца в году 1459* авторства В. Андреэ.

⁷ М. Мурьянов, *Символика розы...*; И. Приходько, *Скрытые смыслы драмы А. Блока*; И. Приходько, *А. Блок между христианством и гностицизмом*, <http://hghltd.yandex.net>; Е. Сливкин, *Катарский миф о небесном двойнике в драме Александра Блока «Роза и Крест»*, «Вопросы литературы» 2008, № 4, с. 85–104. Исследования на тему причастия самого Блока к тайным организациям многочисленны и, к сожалению, неоднозначны. Туманные выводы самого Блока, записанные им в дневниках и письмах, ненайденные архивальные подтверждения членства Блока в какой-либо тайной организации не дают определенного ответа на поставленный вопрос. Однако, обращающие на себя внимание формулировки писателя, детально разработанные символические системы произведений дают сигнал для продолжения научных поисков, касающихся темы эзотерики у Блока.

⁸ См. Е. Сливкин, *Катарский миф о небесном двойнике...* Автор статьи указывает на разногласия между историческими фактами и фабулой драмы Блока. Свои замечания приводит к однозначному выводу о том, что блоковская неточность становится залогом для введения катарского мифа о небесном двойнике. С историческим разногласием не трудно согласиться, однако трудно, по-моему, опираться у Блока только на источник одного мифа (в данном случае катарского), поскольку «история» розенкрейцерского движения указывает на сильное разнообразие во влияниях на основу «исторической» формы эзотерических символов и мифов.

нимаемых доктрин розенкрейцерства. Такая трактовка темы давала Блоку возможность возвращения к главной идеи не только данного творческого периода, но и практически всей его жизни — идеи Вечной Женственности, Софии⁹.

Определением порядка раскрытия символов послужит система, отображающая в общих чертах розенкрейцеровскую последовательность инициацийных принципов — система Я. Рикенборга¹⁰.

Бертран, Рыцарь-Несчастье, безнадежно влюблен в графиню Изору. Его положение ухудшает понесенное им когда-то поражение в поединке с Рыцарем-Дельфином. С того времени Бертрانا преследуют насмешки и издевательства со стороны графа и его подданных. Служба рыцаря заключается лишь в том, что он становится ночным сторожем замка. Таким предстает герой пред читателем (зрителем).

Раскрывая кодированную систему инициации — Бертран воплощается в адепта, находящегося в стадии посвящения, названной Рикенборгом Меркурием. Он, как избранник, был поддан испытанию, связанному с определением стадии духовной готовности к последующей трансформации (см. мотив весов в *Химической свадьбе*...). Понесенное поражение в поединке диаметрально изменяет жизнь Бертрانا. Введенный Блоком символ Дельфина неоднозначен, но ориентирует читателя в контексте его смысловой нагрузки. О том, что это космическое начало, или уже — божественное, свидетельствует сама символика дельфина как эмблема распятого Христа (хтонический контекст) или начала инициационного процесса, символизируемого знаком рыбы или дельфина, как морского животного, которое в последующих сценах в драме будет связывать Бертрانا с морским происхождением Гаэтана. «Obumieranie starego człowieka stało się konieczne, ponieważ do ucznia pragnie się zbliżyć mądrość Słońca. [...] „Być mieszkańcem pogranicza” oznacza w języku Misteriów to, że dany człowiek dotarł już do ostatecznych granic kultury duchowej osiągalnej w naturze ziemskiej», — пишет Рикенборг¹¹. В более широком контексте эзотерической инициации обозначает это состояние погружения в бездну душевных страданий. Адепт становится «чужим», его не понимают, высмеивают, издеваются над ним.

Так и ты, несчастный Бертран,
Урод, осмеянный всеми! —
Начнутся пиры и турниры,
Зазвонит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглер

⁹ См. дневники Блока.

¹⁰ J. van Rijckenborgh, *Dei gloria intacta. Chrześcijańskie misteria wtajemniczenia Świętego Różokrzyża dla czasów nowożytnych*, анонимный пер., Wrocław 1995. Основатель Школы Золотого Розенкрейца в Нидерландах в 20 годах XX столетия. Настоящая фамилия Лене (Leene).

¹¹ Там же, с. 78.

Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?¹²

Лемниската ведет вниз как залог будущего возвышения. Поверженный Дельфином Бертран соглашается принять судьбу, что и является последующей трансформацией.

Этап посвящения, названный Рикенборгом Венерой представлен Блоком как анаграмма ROSE, то есть — EROS. Любовь Бертрана к Изоре приведет его к необходимости дальних странствий в поисках Гаэтана. На этом этапе Блок использует розенкрейцеровский трактат о *Химической свадьбе*: «Podeszliśmy wtedy do pierwszego portalu, przy którym stał strażnik w niebieskiej szacie. [...] Spytałem więc Króla najpierw, jak mają się sprawy tego strażnika. Odpowiedział mi przyjaźnie, że jest to sławny, wybitny astrolog, który cieszył się zawsze wielkim uznaniem jego ojca. Ponieważ jednak zgrzeszył swego czasu względem pani Wenus i przyglądał się jej na łożu, to z tego powodu nałożono na niego karę, że tak długo będzie musiał strzec bramy, aż ktoś go od tego uwolni. Spytałem, czy wobec tego także on ma zostać uwolniony. A Król odpowiedział: „Tak, gdy tylko znajdzie się ktoś, kto zgrzeszył równie ciężko jak on, to będzie musiał zająć jego miejsce, a tamten będzie wolny”»¹³. Венера в трактате является символом земной любви, так же в смысле физического влечения и представлена как элемент испытания адепта. У Блока контекст розы осциллирует между земной реальностью и символом распятия. Бертран сравнивает Изору с розой, повторяет действие Христиана Розенкрейца: «Wtedy spostrzegłem wspaniałe sporządzone łoża, otoczone pięknymi zasłonami. Uchylił jednej z nich. Wówczas zobaczyłem panią Wenus, całkiem nagą — albowiem odsłonił przykrycie — tak piękną, że prawie zamarłem. Nawet teraz nadal jeszcze nie wiem, czy był to tylko rzeźbiony wizerunek, czy też leżał tam martwy człowiek, ponieważ była całkiem nieruchoma i nie wolno mi było jej dotknąć. Potem została znowu przykryta, a zasłona zaciągnięta. Ja jednak nadal jeszcze miałem ją przed oczyma»¹⁴. Связь с «земной женщиной» ведет к своего рода заключению, к наказанию — он становится стражем перед воротами замка. В драме Бертрана освобождает Алискан, увлеченный Изорой и становящийся в конце ее любовником, а также стражем замка.

С другой стороны именно любовь толкает Бертрана к тому, чтобы отыскать видение Изоры — рыцаря-странника Гаэтана (ср. с *Химической свадьбой*). Таким образом, Бертран переходит в следующий этап инициации, этап Марса. Здесь основной фигурой становится странный владелец замка Трауменек. Старый рыцарь, напевающий песни, в действительности исполняет роль сотера и является духовным проводником Бертрана. В на-

¹² А. Блок, *Роза и Крест*, [в:] его же, *Лирика. Театр*, Москва 1982, с. 412. Все последующие цитаты относятся к этому изданию с указанием в скобках страниц.

¹³ *Alchemiczne gody Chrystiana Różokrzyża Anno 1459*, ред. J. van Rijckenborgh, т. IV, Wieluń 2007, с. LXXII.

¹⁴ Там же, с. XXXVII.

чале встречи между рыцарями происходит поединок: «[...] я увидел внезапно старого рыцаря в лохмотьях; он затеял со мной ссору, из которой я легко вышел победителем, так как он был стар и слаб»¹⁵. Бертран угрожает Гаэтану, что срубит ему голову (ср. с *Химической свадьбой*) и тот уступает. Поединок затевает старый рыцарь, что устанавливает проекцию происходящего как новое испытание Бертрана, годен ли он посвящения в адепты. Гаэтан принимает Рыцаря-Несчастье. Характеристика старика дает читателю все необходимые атрибуты для раскрытия его истинного появления.

У меня крест на груди, а крест дается не для забавы... (438)

Тяжки, должно быть,
Цепи земные...
Я их не носил никогда... (444)

Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерной
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои... (445)

Гаэтан увеличивает пространственные координаты вводя дополнительное измерение, обусловленное закономерностями мистерии. Процесс инициации как духовного странствия происходит не в реалиях, определенных социально-бытовыми условиями, а в онтологическом бытии. Внутренняя трансформация требует за собой определенных содействующих ей пространственных качеств. Отсюда идея мистерийного воплощения новой действительности в тексте драмы переносится в смысловое поле легенды¹⁶. Но также и здесь наступает характерное для Блока соединение пространств¹⁷, дающее возможность проникновения божественного в действительность осязаемого. Итак, морские волны становятся розами (ср. розенкрейцеровский символ воды как колыбели жизни). Рыцарь обращается к Бертрану с такими словами:

Ты должен покинуть тот край! (443)

Теперь — подводный город недалеко.
Ты слышишь звон колоколов? (448)

Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах? (448)

¹⁵ А. Блок, *Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти*, [в:] его же, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 4, Москва 1971, http://az.lib.ru/b/blok/_a_a/text_0231.shtml.

¹⁶ Шире взаимосвязь мистерии и мифа рассматриваю в статье *Эвритмические мотивы в романе Андрея Белого «Маски»*, «Slavia Orientalis» 2009, № 2, с. 187–196.

¹⁷ Ср. видение второе в драме А. Блока *Незнакомка*, [в:] его же, *Лирика. Театр...*, с. 391–402.

Подводный город и розы это эзотерические имагинации доступные лишь душам Бертрана и Гаэтана как избранника и сотера. «Подводный город недалеко» — идея розенкрейцеровского воплощения близка, гнозис дает освобождение божественной искры и символы этого священного действия плывут по волнам перед рыцарями. В *Записках Бертрана* герой более отвлеченно передает свои чувства испытываемые в присутствии Гаэтана: «[...] мне казалось, что он послан мне в награду за что-то»¹⁸. Гаэтан называет себя братом. Оба рыцаря седые, что является символом не только их возраста, но и причисляет Гаэтана к Белому Братству Розенкрейцеров. Легенду о подводном городе Кэр-Ис рассказывает встречный рыбак. Позднее его познавательную функцию будет исполнять Бертран, неся идею трансформации для Изоры. На этом этапе инициации основной является именно внутренняя духовная работа адепта. Ее он использует в следующем этапе как внешнюю работу над собой и другими. Кроме трансформации эфирного и астрального тела, важна также трансформация физического тела. Преображение крови в источник духовной силы. Именно она является у розенкрейцеров носителем гнозиса. Гаэтан видит в Бертрane не собаку или ворону (ср. со словами графа: «Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака!»), а льва. Для розенкрейцеровской мистерии характерно также появление определенных животных и птиц. В данном случае некоторые из них появляются и в драме. Ворон и лев это этапы трансформации духовной сущности адепта и возникают в действительности мистерии как отображения ступени духовной имагинации (ср. с *Химической свадьбой*). Рыцарь-Несчастье изменяется также внешне. Эта трансформация обусловлена четвертой стадией розенкрейцеровской инициации, названной Юпитером.

Первостепенным символом трансформации является здесь роза. Она становится зеркалом «таинственной» перемены Бертрана. В сам процесс вовлечены Блоком три героя: Изора, Гаэтан и Бертран — именно благодаря двум первым из них Рыцарь-Несчастье изменяется из уroda в рыцаря победителя.

Не скрывая печали о потерянной надежде на появления Гаэтана, Изора, глядя на розу в окне, произносит следующие слова:

Вот такой был цветок
У него на груди!
Вчерашний бледный бутон
Стал сегодня черным, как кровь!
Завтра увянет
С жизнью моей... (461)

Определяется здесь суть дальнейшего раскрытия действия. Во-первых, указаны стадии трансформации самого цветка, обозначен цвет и его сим-

¹⁸ А. Блок, *Записки Бертрана...*

волический характер действия. Во-вторых, символизируется начало проекции перемены введенных духовных образов Бертрана, то есть, имажинации становятся реальным ощущением. Бутоны розы символизируют начало инициации, роза сердца приобретает белый цвет или становится бесцветной, воплощение божественной идеи символизируется красно-оранжевым цветом. Этот же цвет относится и к посвящению любви, связанной с эволюцией духовного начала в человеке. Рикенборг пишет: «Kiedy postać Ducha w siedmiokregu Neptuna zostaje rozpalona przez Ducha pochodzącego od Boga, objawia się intensywny ogień, wytwarzanie idei. [...] W terminologii Różokrzyża mówi się: według abstrakcyjnej idei róża serca jest bezbarwna, promienna, czysta, biała, jednak według rzeczywistniającej idei róża jest pomarańczowo-czerwona jako żągiew czynu, który musi ratować ten świat. [...] Uczeń obdarzony wtajemniczeniem Neptuna obejmuje tron. Jest Bratem Białej Róży, a poprzez obejmującą świat ofiarę Miłości zabarwia ją na pomarańczowoczerwoną»¹⁹. Последний этап инициации, этап Нептуна даст возможность основной перемены духа и роза обретет красный цвет. Так это происходит также в драме, когда черная роза, спрятанная на груди Бертрана, окрашивается кровью раненного рыцаря и расцветает красным цветком на броне. Однако, роза Изоры становится черной как кровь, именно черную розу дает она Гаэтану, появляющемуся в ночном видении. И только на груди Бертрана приобретет она кровавый красный цвет. Освященный Гаэтаном Рыцарь-Несчастье открывает в будущем путь инициации также для своей возлюбленной. Но стоит подчеркнуть, что это именно будущий путь, по всем своим признакам сегодняшняя Изора не в состоянии пройти инициации и стать адептом посвящения. Духовную жизнь двух героев связывает между собой символ розы. «Фундаментальными символами розенкрейцеров были роза и крест. Это вечные универсальные фаллические символы, роза — женский, а крест — мужской», — пишет М.П. Холл²⁰. Связь Бертрана и Изоры подчеркивают также их избраннические признаки. Знаменательны они у Изоры²¹. Принцип раскрытия неоднородной природы молодой графини воплощает Блок в символике волос героини. По существу их цвета и длины сопоставляется Изора с другими персонажами драмы. Гаэтану длинноволосая графиня напоминает воспитавшую его Фею («Фея долго в объятьях сжимала меня / И, покрыв волосами, плакала долго»). Во сне, когда Изора вновь видит рыцаря с черной розой на груди, Гаэтан, спя в розовых зарослях, бредит о Моргане. По принципу волос образуются в драме пары: 1. Изора — вземное воплощение Женственности; 2. Изора

¹⁹ J. van Rijckenborgh, *Dei gloria intacta...*, с. 141–142.

²⁰ М.П. Холл, *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии*, Москва-Санкт-Петербург 2007, с. 582.

²¹ Ср. с драмами Блока *Балаганчиком и Незнакомкой*, [в:] его же, *Лирика. Театр...*, с. 333–346, 382–410.

(«И косы/ Чернее ночи у нее»²²) — Арчимбаут («А видел ты, что у него на голове? — Как у черта на картинке. Два месяца не стригся»); 3. Изора — Алискан (паж чернокудрый). Если первая пара открывает возможные внеземные принципы существования Изоры, связывающие ее как с Гаэтаном, так и с символом Изиды (Алискан произносит слова: «Благоухание роз, как дыханье Изоры...»²³), то вторая и третья пара — это явно земные узы графини. Таким образом, характер героини раскрывается путем наложения двух обозначенных выше пространств. Именно ее внеземные черты навевают томление и печаль за утерянным единством плеромы (героини 17 лет), о которой мутно припоминает ей песня Гаэтана. Но земные черты твердо держат ее в заточении физикального времени (Алискан) и графиня не воспринимает инициационного импульса Гаэтана-видения. Близка Изора к другой героине драмы Блока *Незнакомка*. Но именно для Изоры, и благодаря Изоре, откроет Бертран путь избранника.

Розенкрейцеровский этап инициации, названный Юпитером, характерен также тем, что инициатор-проводник предстает пред глазами адепта с божественным огнем, названным розенкрейцерами змеиным огнем. Таким образом, встреченный Бертраном в предыдущей сцене Гаэтан, у которого на груди выцветший крест (ср. слова Бертрана: «Выцвел крест на груди у тебя...»), на этапе Юпитера появляется в видении Изоры с горящим крестом²⁴:

²² Также свет волос символизирует земной характер героини. Общие выводы на тему цвета волос и его контекста сопоставимости с космическими принципами описываю в книге *Путь к посвящению. Антропософские мотивы в романах Андрея Белого*, Gdańsk 2009.

²³ Благоухание роз как и сам цветок являются признаками именно Изиды. Изиду узрел Вл. Соловьев на каирской пустыне:

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко —
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

[...] О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

См. Вл. Соловьев, *Три свидания*, [в:] его же, *Избранное*, Санкт-Петербург 1994, с. 409. Ср. И. Приходько, *А. Блок между христианством и гностицизмом...*

²⁴ Ср. с мечом Голубого в *Незнакомке*, а также с огненным мечом Архангела Михаила у Штейнера: *Święto Archaniola Michała. Boże Narodzenie. Wielkanoc. Św. Jana. Cztery kosmiczne imaginacje*, пер. Т. Mazurkiewicz, Warszawa 2003. Ср. также: И. Приходько, *Скрытые смыслы драмы А. Блока...*

Ты! Ты! — Ты сон, или нет?
 Странник! — Где роза твоя? —
 На груди твоей — крест горит! [...]
 Дай страшный твой крест
 Черною розой закрыть! (466–467)

Гаэтан поражает Изору, в испуге она отталкивает давно лелеемый образ спасителя. Сожженная огнем духовного бытия земная роза падает на грудь спящего Странника. Интересно, что в *Записках Бертрана* рыцарь видит Изору с пламенной грудью как раз во время ее сновидения. Каким же совершенно другим явился этот крест Бертрону. Пройдя назначенные путем инициации испытания (сражение с рыцарем-Дельфином, сражение с Гаэтаном) он видит выцветший крест. «[...] духовная природа привязана к физической в определенных точках, символизированных „гвоздями” на распятии; но тремя алхимическими инициациями, которые проводились в духовном мире, в истинном храме Розы и Креста, они „выдергивали” эти гвозди и позволяли божественной природе человека оторваться от его креста», — анализирует символы Холл²⁵. Неземной Геэтан ведет своего адепта Бертрана по пути розенкрейцеровской инициации.

Следующий этап Сатурна предвещает изменившийся наклон посвятельной роли самого адепта. Именно здесь иницируемый становится проводником для окружающих его людей. Сатурн — символ смерти, и намеренно проявляясь в лемнискате, становится также воскресением для адепта. Потерпевший некогда поражение Бертран побеждает наконец рыцаря-Дельфина и спасает замок от бунтарей (в битву бросается Бертран со словами: «Святая Роза!»):

Второй Рыцарь
 Да, я тому свидетель. Наш Бертран
 С ним бился долго; наконец, ударом
 Решительным свалил его с седла
 И наступил ему на грудь, заставив
 Просить пощады... Дрогнули тогда
 Войска? Раймунда и бежать пустились!..
 «Несчастьем» звали мы того, кто бился
 Храбрее всех и бой решил... (481)

Однако, Бертран получает смертельное ранение. Именно оно омывает лепестки розы кровью, которая соединяет в этот момент два пространства: земное и космическое. Благодаря этому мистериальному действию происходит трансформация также физического тела человека, а посредником соединения является кровь. Идея будущего воскресения адепта подчеркнута символом креста, введенного Блоком благодаря символике яблони. Совмещены в этом два последних этапа инициации: Урана и Нептуна — причем не трансформации тела, а трансформации духа. Уже в самом начале

²⁵ М.П. Холл, *Энциклопедическое изложение...*, с. 565–566.

засохший ствол яблони сравнен с крестом. С крестом ассоциируются ветви дерева также Изоре. С яблоней сравнивает себя Бертран. Многосложный символ яблони подчеркнут также в сцене, когда Рыцарь, опираясь на ствол, подставляет плечи Алискану и тот взбирается в окно к Изоре. Бертран дважды назначен крестом, его он носит на груди, и с ним соединяется, обняв ствол дерева²⁶. Через крест ведет дорога к розе, отсюда слова самого Бертрана: «[...] беда и утраты преследуют человека всюду и нет для него иного спасения, кроме креста»²⁷. Основным символом розенкрейцеровской инициации становится расцветшая красная роза на кресте на груди у Бертрана. С одной стороны: «Крест есть символ человеческого тела, и два символа — роза и крест — означают, что душа человека распята на теле», с другой — «Красный цвет розы говорит о крови Христа, а золотое сердце, скрываемое в середине цветка, соответствует духовному золоту, скрытому в человеческой природе. [...] Роза символизирует сердце»²⁸. Кровь распятого адепта омывает и очищает землю, в конце текста подчеркивают это слова доктора о пролившейся крови.

В алхимии процесс сгорания равен процессу очищения. Сжигающая сердце любовь Бертрана к Изоре толкает его к раскрытию собственной духовной сущности, то есть через очищение — к астралам божественного человека. Перед смертью Бертран раскрывает значение слов песни Гаэтана:

Как ночь прекрасна!
 Чу, в торжественный голос труб
 Врывается шелест...
 Нет, опять тишина...
 Больше ничем не нарушен покой,
 Боже, твою тишину громовую
 Явственно слышит
 Бедный твой раб!
 Рана открылась,
 Силы слабеют мои...
 Роза, гори!
 Смерть, умудряешь ты сердце...
 Я понял, понял, Изора:
 «Сердцу закон непреложный —
 Радость-Страданье одно...
 Радость, о, Радость-Страданье,
 Боль неизведанных ран!..» (490–491)

Этап Урана — это новая любовь, духовная. Пройдя этап Венеры и освободившись от земных уз — сторожа замка (им становится Алискан, взо-

²⁶ См. В. Пискарев, *Образ яблони в драме А. Блока «Роза и Крест»*, «Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения» 2007, № 2, www.zpu-journal.ru/zpu/2007_2/Piskarev/16.pdf.

²⁷ А. Блок, *Записки Бертрана...*

²⁸ М.П. Холл, *Энциклопедическое изложение...*, с. 559, 561.

бравшийся по яблоне к Изоре-Венере), Бертран открывает сердце (в тексте это происходит не метафорически, а физически), то есть открывает свое «Я» — этап Нептуна, понимает слова песни и тем самым дает возможность будущей инициации Изоры. Завершает свою жизнь словами: «[...] не страшны те, кто убивает тело, души же не может убить»²⁹.

The black rose — the red rose. The initiation of the Rosicrucians in Aleksandr Blok's drama *The Rose and the Cross*

Summary

The article is an attempt of marking the tangents of Blok's drama to the ideology of Rosicrucianism. That is why the initial system of the sprit initiation becomes the only possible terminology of the interpretation of *The Rose and the Cross*. Bertrand, the main hero of this drama, is an adept of the initiation of the rose and the cross.

Keywords: rose, cross, Blok, initiation, Bertrand.

²⁹ А. Блок, *Записки Бертрана...*